

Из истории русской музыкальной культуры

Вера Валькова

К ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ С. В. РАХМАНИНОВА (1917–1918 ГОДЫ)¹

1917 и 1918 годы несомненно обозначили самый глубокий и болезненный слом в творческой биографии и человеческой судьбе С. В. Рахманинова. Это было время назревавшего решения покинуть революционную Россию и первых усилий по житейской и творческой адаптации в новых условиях, сначала в Скандинавии, затем в США. Значимость всего, что пережил Рахманинов в эти годы, акцентируется резким сломом в судьбе его родины и началом глобальных перемен в мировой культуре.

Отъезд из России, разрыв с Родиной был для Рахманинова рубежом, отметившим уход в другое духовное пространство, подлинным исходом в чужой мир, чужую землю, где никто не готовил ему благополучия и успеха — в землю «необетованную» (если использовать оборот речи из Библии). Естественно, что особый интерес представляют события и факты, наполнявшие жизнь Рахманинова в эти два роковых года. Нам важно знать, как созревало самое судьбоносное его решение и самый рискованный поступок в его жизни. Основные события 1917–1918 годов отражены во многих биографических источниках². Однако имеет смысл вновь обратиться к этому материалу, впервые сфокусировав внимание на логике событий указанных двух лет и дополнить известный сюжет некоторыми менее известными свидетельствами, новыми акцентами и наблюдениями.

Значение выделенного рубежа точно определил М. В. Долужинский в предисловии к сборнику «Памяти С. В. Рахманинова», вышедшему в Нью-Йорке в 1946 году: «Жизнь Рахманинова раскололась на два периода: 44-х лет он покинул Родину и вне ее прожил последние 26 лет своей жизни и столько же, 26 лет, продлилась и его художественная деятельность в России, если считать началом его творчества его 18-летний возраст» [2, V].

Январь 1917 года начался для Рахманинова продолжением декабрьских концертных выступлений как пианиста. Плотность его концертного графика поражает воображение. В течение только одного месяца он выступал в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону, Таганроге, Харькове, исполняя только свои сочинения — как дирижер и пианист. При этом показательно различие откликов прессы на эти выступления — восторженные в Москве и порой скептические в провинции (в дальнейшем все даты будут приводиться по юлианскому календарю, то есть по старому стилю).

После симфонического концерта, прошедшего в Большом театре 7 января, все газеты отмечали необычайно восторженный прием, устроенный Рахманинову не только публикой, но и музыкантами оркестра. Газета «Московские ведомости» сообщала: *«При появлении на эстраде С. В. Рахманинов был встречен переполнявшую залу Большого театра публикою аплодисментами и тушем оркестра. Один из оркестрантов прочел С. В. Рахманинову [приветственный] адрес. Все части программы, — “Утес”, «Остров смерти» и «Колокола», — заканчивались под шумные рукоплескания, в конце концерта принявшие характер большой овации»*³.

Горячий прием оказывала публика Рахманинову и на концертах в провинции. Однако газетные отклики порой содержали и довольно резкие упреки в адрес гастролера. После концерта в Ростове-на-Дону (26 марта) обозреватель газеты «Приазовский край» писал: *«В продолжение многих лет Рахманинов играет только свои произведения. <...> Мы снова и снова, в десятый раз приходим к артисту и выслушиваем все те же, старые, давно знакомые звуки...»*. И даже высокая оценка Рахманинова как пианиста несет в себе нотки иронии и разочарования: *«Играл Рахманинов, по обыкновению, превосходно. Нам уже приходилось высказываться об этой удивительной игре, и достойно хвалить ее с каждым годом становится все более затруднительным, ввиду истощения источников красноречия»*⁴.

Ростовским обозревателям вторит и харьковская газета «Южный край»: *«Покоряющая сила рахманиновского ореола как-то магически действует на публику, наполняющую бурным потоком зал коммерческого клуба. <...> Как пианист, Рахманинов достиг высшей грани художества и этим он сказал в этой области свое последнее слово; совсем в иных условиях Рахманинов-композитор. Проследив его творчество, нельзя не заметить в последнее время известной уступки современным веяниям в искусстве... Но то “новое”, чего ищет Рахманинов, производит впечатление насилия над своим музыкальным Credo»*⁵.

Подобные критические замечания Рахманинову приходилось читать и раньше, но теперь, возможно, они воспринимались более остро, накладываясь на общую тревожную обстановку в стране.

В конце февраля в России произошли известные глубокие политические перемены. Общественные волнения февраля 1917 года завершились роспуском IV Государственной думы и отречением от власти императора Николая II. Первого (14) марта на расширенном заседании Временного комитета Думы с участием представителей разных политических движений был согла-

сован состав первого правительственного кабинета (так называемого Временного правительства). Временное правительство объявило амнистию политическим заключенным, гражданские свободы, замену полиции народной милицией, реформу местного самоуправления. В течение марта новая власть была установлена по всей стране.

Отношение Рахманинова к этим событиям отражено в более позднем и многократно цитированном источнике. В книге О. Риземана, вышедшей первым изданием в Лондоне в 1934 году, приводится следующее высказывание Рахманинова: *«Почти с самого начала революции я понял, что она пошла по неправильному пути. Уже в марте 1917 года я решил покинуть Россию, но мой план было невозможно осуществить, потому что Европа все еще находилась в состоянии войны и границы были закрыты»* [9, 175]. Это позднее признание подтверждается и биографическими документами весны 1917 года.

Каково бы ни было восприятие Рахманиновым событий того времени, он продолжает выступать с концертами и даже участвует в некоторых новых общественных акциях. Первое после Февральской революции концертное выступление Рахманинова состоялось 13 марта 1917 года (он исполнил Первый концерт Чайковского). И уже 15 марта в газете «Русские ведомости» приводится следующее заявление Рахманинова: *«Свой гонорар от первого выступления в стране, отныне свободной, на нужды армии свободной, при сем прилагает свободный художник С. Рахманинов»*⁶.

Здесь можно заметить явно нарочитое обыгрывание слова «свободный» (повторено подряд три раза). Отношение Рахманинова к этой новой «свободе» напрямую запечатлено в письме к А. И. Зилоти от 13 апреля: *«Милый мой Саша, накануне твоего письма (с заказом на пару щенят для Глазунова) получил письмо от своего управляющего с известием, что моего любимого великолепного пса убили граждане. Таким образом, прием заказов на щенят сим приостанавливается. Да здравствует свобода!!..»*⁷

Уже весной революционного 1917 года созревает решение композитора уехать из России. В июне он пишет отчаянные письма А. И. Зилоти, в которых умоляет как можно скорее помочь советом и делом. В письме от 1 июня он признается: *«все окружающее на меня так действует, что я работать не могу и боюсь заикну совершенно. Все окружающие мне советуют временно из России уехать. Но куда и как? И можно ли?»* [8, 101–102]. По каким-то причинам Зилоти не ответил на это письмо, и 22 июня в следующем письме Рахманинов вновь обращается к нему, повторяя сетования на крайне тревожную обстановку вокруг и на свое угнетенное состояние. Повторяются в этом письме и слова о решимости уехать из страны как можно скорее — желательно в конце июля.

Эти намерения подстегивались начавшимися беспорядками в любимом имении Ивановка, в которое были вложены почти все средства семьи Рахманиновых.

Сергей Васильевич побывал в Ивановке весной 1917 году и возвратился в Москву в мае 1917. Тем не менее он должен был знать по рассказам родных

о том, что происходило там после его отъезда. Двоюродная сестра композитора С. А. Сатина, остававшаяся в имении вместе со своим отцом, А. А. Сатиным, вспоминала: «в деревне по вечерам необыкновенно часто происходил сход крестьян. Они что-то яростно обсуждали. <... > в один из вечеров, часов в 10, когда мы с отцом собирались уже идти спать, я вдруг услышала тихий стук в дверь. Открываю ее и вижу двух пожилых ивановских крестьян, которые озираясь, спрашивают отца. Я провела их в комнату, где мы с ним сидели. Они мнутя, оглядываются и, наконец, начинают просить, убеждать отца уехать из Ивановки. <... > Крестьяне, наконец, объясняют, что они тайком пришли, просить его уехать, “так как в Ивановку, как и в другие деревни, приезжает часто какой-то чужой народ, мутят наших дураков, поят их водкой”. <... > через несколько дней опять поздно вечером приходят уже трое старых крестьян. Теперь они не уговаривают, а умоляют отца уехать, прямо говоря, что боятся, “как бы не случилось греха”, что они “не могут справиться с молодыми”. Словом, было ясно, что приходящие в Ивановку члены партии социалистов-революционеров уговаривают крестьян убить отца» [10, 59].

Опасность, нависшая не только над именем, но и над жизнью близких Рахманинову людей, должна была еще больше укрепить его в решении покинуть Россию. Уже в июле в семье Рахманиновых всерьез обсуждаются варианты отъезда.

В мае и августе 1917 года Рахманинов по рекомендации врачей пытался поправить свое здоровье в Эссентуках и в Новом Симеизе. 5 сентября в Ялте состоялся его последний концерт в России. Исполнялся первый фортепианный концерт Ф. Листа, оркестр играл под управлением А. И. Орлова, в то время дирижера оркестра Кусевицкого.

Вернувшись в Москву, Рахманинов с семьей живет в своей квартире на Страстном бульваре. В городе уже было очень беспокойно, а в конце октября начались боевые действия. Стреляли порой прямо около дома, где жил Рахманинов. Воспоминания одного из современников — писателя Леонида Федоровича Зурова — содержат рассказ самого композитора об одном эпизоде этого времени: «Он [Рахманинов] рассказывал и о боях в Москве во время октябрьской революции, когда маленькую Таню пришлось закрыть в ванной комнате, чтобы она не бегала по квартире. На улице шла стрельба, с Ходынки подвезли артиллерию. Подойдя к окну, Сергей Васильевич увидел, как упал перебежавший улицу юнкер. — Я смотрел на него и ничего еще не понимая думал, что вот-вот он поднимется, встанет, побежит дальше. Я смотрел, а время проходило, он продолжал лежать. Он был убит на моих глазах» [3, 2].

Вопреки всему композитор продолжал работать — усердно и увлеченно. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Наталья Александровна Рахманинова: «Настроению Сергея Васильевича в это тяжелое время помогла работа. Он был занят переработкой своего Первого фортепианного концерта и очень увлекся этим» [8, 299].

10 ноября (как помечено в автографе) вторая редакция концерта была закончена. В последующие дни Рахманинов сочинил три фортепианные пьесы,

изданные уже за границей в 1938 году и долгое время оставшиеся неизвестными в нашей стране. Автографы этих пьес хранятся в Библиотеке конгресса в Вашингтоне в США, на них выставлены даты: «Восточный эскиз» и Прелюдия d-moll — 14 ноября 1917 года, пьеса «Осколки» (английский вариант названия «Fragments») — 15 ноября того же года. Эти пьесы складываются в некий музыкальный документ, запечатлевший психологическое состояние тех дней. В них отражена и попытка отрешиться от того, что происходит вокруг, уйти в свои воспоминания. В Прелюдии и в «Осколках» звучит глубокая тоска и бесприютность. Обе пьесы своей аскетичной фактурой и эмоциональной оцепенелостью могут вызвать неожиданные ассоциации с последнимopusом А. Н. Скрябина (Пять прелюдий для фортепиано op. 74), созданным в 1914 году, за три года до рахманиновских пьес. Отсылает эта музыка и к медленной части Четвертого концерта, над которым Рахманинов начал работать еще в России. «Восточный эскиз», возможно, стал отголоском задуманного в 1915 году и ненаписанного балета «Скифы».

В конце ноября, наконец, разрешился давно назревший вопрос об отъезде из страны. Рахманинов принял не слишком выгодное для него, но своевременное предложение из Швеции выступить с концертами в Стокгольме. Это было почти невероятное для того времени событие — *«первое, как отмечает С. А. Сатина, предложение из-за границы со времени начала войны 1914 года»* [11, 47], и, по ее же словам, *«оно могло быть сделано потому, что Швеция была одной из немногих нейтральных стран в Европе»* [11, 47].

Для получения необходимых документов ему пришлось сначала уехать в Петроград, куда через несколько дней прибыла и его семья. 20 декабря 1917 года было получено разрешение на выезд из страны, и 23 декабря вместе со своей семьей Рахманинов выехал в Стокгольм.

По словам Риземана, *«Рахманинов, несмотря на жестокость и безжалостность большевистской власти, предпочел в подобных обстоятельствах опуститься на колени и поцеловать землю Родины, дорожке которой ничего в его жизни так и не было. Наши путешественники прибыли в Стокгольм в канун Рождества»* [9, 178].

1918 год прошел в поисках пристанища, в усилиях по приспособлению к новым условиям жизни и главное для Рахманинова — в поисках нового приюта для творческой деятельности. Поражает при этом жесткая рациональная самодисциплина и целеустремленность, с которой Рахманинов осваивает *«землю необетованную»*.

Вскоре Рахманиновы переехали в Данию, где уже жила в то время семья Николая Густавовича Струве, друга и коллеги Сергея Васильевича по деятельности в Русском музыкальном издательстве. Бытовые условия жизни на новом месте на первых порах были необычайно трудны.

Настроение Рахманинова в те дни отражено в письме Модесту Исааковичу Альтшулеру, жившему в Америке дирижеру, с которым он неоднократно выступал в концертах. Письмо датировано 12 января 1918 года. Рахманинов пишет из Копенгагена: *«Сию сейчас здесь и, может быть, до лета кое-где*

и сыграю здесь, хотя тут не много подходящих городов для игры, да и музыка тут представлена слабо. Немножко успокоюсь, отдохну и, может, начну работать» [6, 104–105].

Вскоре Рахманинов начинает активно выступать как пианист. 15 февраля в Копенгагене он впервые после отъезда из России исполнил свой Второй концерт (дирижер Георг Хёберг). За этим выступлением последовали концерты в разных городах Скандинавии — в Осло, Мальмё, Стокгольме, вновь в Копенгагене. Концертный график весны-лета 1918 года был гораздо менее плотным, чем весной прошлого 1917. Для сравнения: с января по май 1917 года Рахманинов дал 25 концертов, играя порой ежедневно, в 1918 году с февраля по июль состоялось 12 концертов — практически в два раза меньше. Здесь, конечно, сказались тяжелые обстоятельства, связанные с переездом.

Однако именно этой весной Рахманинов сделал выбор в пользу карьеры пианиста-виртуоза, не оставлявшей сил и времени для творчества.

В конце лета Рахманинов решил переехать в США, где, по-видимому, рассчитывал найти более широкое поле для концертной деятельности. Отъезд в Америку не был связан с каким-либо контрактом (три полученные им предложения он решительно отклонил). Это вновь был «исход» — в землю еще более чужую, более «необетованную», чем страны Скандинавии. Принятое решение свидетельствует о проявленной тогда Рахманиновым деловой хватке — умении сочетать трезвый расчет с оправданным риском. Эти качества очень пригодились ему в последующие годы.

В марте 1918 года в письме к упомянутому дирижеру и антрепренеру М. И. Альтшулеру он четко изложил свои условия: *«Хочу тебе, на всякий случай, который может в будущем представиться, сообщить про мои условия подробнее. Первое и самое главное — непременно и только рояли фирмы Стейнвейя. Второе: так как наибольшие успехи и наибольшее личное удовольствие мне доставляли концерты с аккомпанементом оркестра, то я и хотел бы, чтобы в мою поездку входили бы два путешествия с оркестрами. <... > Могу играть по два концерта⁸ в вечер, т. е. один — свой, один — чужой. За такие концерты могу взять дешевле, однако же не ниже шестисот долларов <... > Что касается recital'ов⁹, то эти концерты для меня не так приятны, и я за ними не так гонюсь. Гонорар за них 900 долларов. Если будет большая гарантия количества концертов, то можно уступить. Затем всюду проезд 1-ый класс купе. Со мной должен ездить настройщик или вообще какая-нибудь нянька: “стар и шаловлив я стал”. <... > Представь себе, что вдруг я и вся семья моя, т. е. жена и двое детей, мы соберемся все в Америку. Сколько мы должны будем прожить приблизительно в месяц, считая и квартиру, и прислугу, и еду»* [6, 105–106].

Из этой цитаты видно, как заблаговременно и четко этот «запоздалый романтик» планировал свою жизнь.

Осенью после череды успешных концертов в Скандинавии 1 ноября 1918 года Рахманинов со своей семьей выехали из Христиании в Нью-Йорк, как свидетельствует С. А. Сатина, «на небольшом норвежском пароходе “Бергенсфиорд”» [11, 53].

Оказавшись в Америке, Рахманиновы снова, второй раз за один год пережили острое чувство неприютности. В воспоминаниях жены композитора Натальи Александровны читаем: «Мы прибыли в Нью-Йорк в 4 часа утра, и нас поставили в карантин. Остановились мы в отеле “Нидерланд” на 5-й авеню. Настроение было у всех скверное. Сергей Васильевич не знал, как и чем нас утешить. Да и сам он был такой грустный. Нашлась наша маленькая Таня, которая вдруг сказала: “утешить нас можно тем, что мы все так любим друг друга”. Сергей Васильевич никогда не мог забыть этих трогательных слов нашей маленькой девочки» [8, 301].

По-видимому, маршруты зарубежных странствий Рахманинов выбирал прицельно и точно. В Соединенных штатах и раньше он появлялся на эстраде чаще, чем в Скандинавии, и уже завоевал там признание и как пианист и как композитор. До 1917 года он выступал в девяти городах Соединенных штатов — в Бостоне (трижды), в Нью-Йорке, Нортгемптоне, Балтиморе, Филадельфии, Чикаго, Хартфорте, Цинциннати, Баффоло. И этим поездкам предшествовало тщательное обследование всех условий и обстоятельств. Рахманинов в одном из интервью, данном в Америке, вспоминал о своей первой гастроли за океаном: «Получив... приглашение посетить Соединенные Штаты, я послал запрос, достаточно ли хорошо меня знают в этой стране, чтобы можно было рассчитывать на интерес публики к моим выступлениям. Вскоре меня известили, что в США каждый музыкант знает меня как автора Прелюдии *cis-moll*» [7, 62].

На этот раз, по-видимому, роль «разведки» выполнило само имя Рахманинова, уже известное американской публике. Жена композитора вспоминала: «Скоро к Сергею Васильевичу начали приходиться разные менеджеры и артисты. Первые предлагали контракты, артисты давали советы, были очень любезны, некоторые предлагали даже взаймы деньги» [8, 301].

К концу 1918 года жизнь Рахманинова уже была подчинена жесткому рабочему графику. В декабре состоялись концерты в разных городах США, отметив новый взлет его пианистической карьеры и одновременно — начало окончательной и безнадежной разлуки с Родиной...

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянцева В. Н. С. В. Рахманинов. — Москва: Советский композитор, 1976. — 645 с.
2. Добужинский М. В. От редактора // Памяти С. В. Рахманинова. — Нью-Йорк: Издание С. А. Сатиной, 1946. — С. V–VI.
3. Зуров Л. Ф. Воспоминания // Новый журнал. — Нью-Йорк. — 1962. — № 69. — С. 51–61.
4. Михеева М. В. Архив С. В. Рахманинова в Петербурге как источник изучения творчества и биографии композитора. — Ивановка: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2012. — 238 с.
5. Никитин Б. С. Сергей Рахманинов. Две жизни. — Москва: Классика-XXI, 2008. — 208 с.
6. Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. / сост.-ред., авт. вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апетян. — Москва: Совет. композитор, 1980. — Т. 2: Письма. — 284 с.
7. Рахманинов С. В. Моя прелюдия *cis-moll*. Литературное наследие: в 3 т. / С. В. Рахманинов; сост.-ред., авт. вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апетян. — Москва: Совет. композитор, 1980. — Т. 1. — С. 62–65.

8. *Рахманинова Н. А.* С. В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. Изд. пятое, доп. — Москва: Музыка, 1988. — Т. 2. — С. 292–332.
9. *Риземан О.* Сергей Рахманинов. Воспоминания. — Москва: Радуга, 1992. — 256 с.
10. *Сатина С. А.* Воспоминания // Ивановка. Времена. События. Судьбы. Труды музея-усадьбы С. В. Рахманинова. Сост. А. И. Ермаков, А. В. Жогов. — Москва: Издательство Фонда Ирины Архиповой, 2008. — С. 48–73.
11. *Сатина С. А.* Записка о Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. Изд. пятое, доп. — Москва: Музыка, 1988. — Т. 1. — С. 12–115.

REFERENCES

1. *Bryanceva V. N.* S. V. Rachmaninov. Moscow: Sovetskij kompozitor, 1976. 645 p.
2. *Dobuzhinskij M. V.* Ot redaktora // Pamyati S. V. Rahmaninova [From the editor // In memory of Rachmaninov]. New York, 1946. P. V–VI.
3. *Zurov L. F.* Vospominaniya // Novyj zhurnal [Memories // New Magazine]. New York, 1962. No 69. P. 51–61.
4. *Miheeva M. V.* Arhiv S. V. Rahmaninova v Peterburge kak istochnik izucheniya tvorchestva i biografii kompozitora [The Archive of S. V. Rachmaninov in St. Peteraburg as a source for studying the composer's work]. Ivanovka, 2012. 239 p.
5. *Nikitin B. S.* Sergej Rahmaninov. Dve zhizni [Sergej Rachmaninov. Two lifes]. Moscow: Klassika-XXI, 2008. 208 p.
6. *Rahmaninov S. V.* Literaturnoe nasledie: v 3 t. [Literary heritage: in 3 vol.], vol. 2. Moscow: Sovetsky kompozitor, 1980. 284 p.
7. *Rahmaninov S. V.* Moya prelyudiya cis-moll [My Prelude in C sharp minor], Literaturnoe nasledie: v 3 t. [Literary heritage: in 3 vol.], vol. 1. Moscow: Sovetsky. Kompozitor, 1980. P. 62–65.
8. *Rahmaninova N. A.* S. V. Rahmaninov. Vospominaniya o Rahmaninove: v 2 t. [Memories of Rachmaninov: in 2 vol.], 5 ed., vol. 2. Moscow: Muzyka, 1988. P. 292–332.
9. *Rizeman O.* Sergej Rahmaninov. Vospominaniya [Sergej Rahmaninov. Memoires]. Moscow: Raduga, 1992. 256 p.
10. *Satina S. A.* Vospominaniya [Memoires], Ivanovka. Vremena. Sobytiya. Sud'by [Ivanovka. Time. Events. Fates]. Moscow: Fond of Irina Archipova, 2008. P. 48–73.
11. *Satina S. A.* Zapiska o Rahmaninove [Note on Rachmaninov]. Vospominaniya o Rahmaninove: v 2 t. [Memories of Rachmaninov: in 2 vol.], 5 ed., vol. 2. Moscow: Muzyka, 1998. P. 12–115.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В статье использованы документальные исторические свидетельства, цитируемые в публикации автора: Валькова В. Б. 1917–1918 годы: хроника исхода в «землю не обетованную» (фрагмент Летописи жизни и творчества С. В. Рахманинова) // Искусство музыки: теория и история. 2022. Вып. 27. С. 91–131.
- ² См., например: [1], [9], [5], [11, 12–115], [8, 292–332].
- ³ Театр и музыка // Русские ведомости. 1917. 8 января, № 6. С. 6.
- ⁴ Sandro. Шестое музыкальное собрание ИРМО. Концерт С. В. Рахманинова // Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1917. 28 января, № 26. С. 3.
- ⁵ Горовиц А. Музыкальные заметки. Концерт С. В. Рахманинова // Южный край. Харьков. 1917. 31 января, № 13849. С. 8.
- ⁶ Союз артистов-воинов // Рус. вед. 1917. 15 марта, № 59. С. 5.
- ⁷ Письмо к А. И. Зилоти от 13 апреля 1917 г. Цит. по: [4, 66–67].
- ⁸ Имеется в виду жанр концерта для фортепиано с оркестром.
- ⁹ Сольных концертов.